

чем при замене «ъ» буквой «ѣ». ¹⁰ Считаем, что все сказанное по адресу «утръ» предоставляет ему полное право на бытование именно в такой форме в нашем выражении.

Переходим к анализу слова «воззни». Его необычное звуковое оформление не могло не озадачить комментаторов. Они не могли подвести его ни под какой основной эталон-лексеми. Сопоставление его со словами, занимающими идентичное место в словосочетаниях во фразе («скачи», «обесися», «отвори», «разшибе»), привело их к заключению, что это глагол в форме аориста. Оставалось только приблизить его к наиболее подходящей по составу (фонетическому и морфологическому) и семантическому значению основной форме. Такой исходной формой оказался инфинитив древнерусского глагола «възньзти» (в значении «вонзить»). ¹¹ Закономерной формой его аориста было «възньзе» (в 3-м л. ед. ч.), в последующей стадии «вознзе». А «вознзе» уже довольно близко к «воззни» первого издания, в особенности при допущении наличия двух надстрочных букв «з» или их перестановки и тому подобного в рукописи XV—XVI в. ¹² Но все же полного совпадения обеих форм мы не видим, причем более существенным в данном случае нам представляется не столько несовпадение сочетаний «-знз» — «-зн», сколько замена правильного окончания аориста «-е» буквой «и»: «вознз-и». Эта замена поражает в особенности на фоне совершенно правильного употребления «-е» в слове «разшибе» одною строкою ниже и вообще последовательного употребления «и» ~ «е» в исходе форм аориста во всем памятнике. ¹³ И это «и» — слабое место в основном удачно реконструированной форме «воззни». Надо думать, что «и» принадлежало графике слова «воззни» в рукописном списке XV—XVI вв., а не было внесено в него редакторами издания 1800 г. На такое предположение нас наводит и присутствие «и» в неясном «вазнистри» в Ека-терининской копии.

Но наиболее трудным местом всего пассажа является, конечно, «стрикусы», продолжающее оставаться невыясненным до самого последнего времени. Трудность его истолкования заключается в полном отсутствии словарных параллелей в языке древнерусских памятников и в словаре других славянских языков, на которые можно было бы сослаться. Современные исследователи «Слова», с большей или меньшей степенью уверенности, обычно связывают его с древневерхненемецким *Strit-akis*, *Strit-achus* — «боевая секира», на что мы указали еще в начале статьи. Других, более очевидных соответствий мы пока не можем привести. При анализе этого совершенно неизвестного древней русской лексике слова, с точки зрения его правдоподобности и оправданности как лексемы в тексте «Слова», мы должны принять во внимание два основных момента: 1) незасвидетельствованность формы «стрикус» («стрикусы») словарем не только древних восточнославянских, но и древних западных и южных славянских наречий; 2) доказуемость этимологической связи слова «стрикус» с его предполагаемым древнегерманским прототипом. Отсутствие этого

¹⁰ Сохранение конечного «ъ» мусин-пушкинского издания в слове «утръ» видим только в издании Н. К. Гудзия 1955 г. (см.: «Слово о полку Игореве». Гос. изд. художественной литературы, М., 1955, стр. 28).

¹¹ См.: Срезневский, Материалы, т. I, стр. 367, с соответствующим примером: «Възньзъ (гоубоу) на тръсть» из Остромирова евангелия (Мф. 27, 48) и, что особенно важно, из Галицкого евангелия XIII в. (Мф. 15, 36). Возможность замены «воззни» формой «возниз» предполагает еще Д. Дубенский («Слово о полку Игореве» Свято-славяв пснотворца старого времени, М., 1844, стр. 183, 184, 192, 193).

¹² Таким представляет себе начертание этого слова и В. Н. Перетц («Слово о полку Игореве», стр. 121).

¹³ Ср.: «выторже», «пониче», «врѣже», «простре», «съпряже», «затче», «ростре» и др.